

Василий Лягоскин

Черная боль Земли

Свет далекой звезды:
история третья

Василий Лягошкин
Черная боль Земли

«Издательские решения»

Лягошкин В. И.

Черная боль Земли / В. И. Лягошкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747953-4

В бескрайних просторах космоса Свету ищет любимую женщину и сына. И начинает он свои поиски с Земли. Увы — на нашей планете в двадцатом веке от рождества Христова ни Весны, ни Владимирежа не оказалось. Зато охотника ждал древний русский богатырь и его наказ — отвести от земли предков, взять на себя ее боль. Черную боль...

ISBN 978-5-44-747953-4

© Лягошкин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Здравствуй, Земля	6
Глава 2. Богатырь земли русской	14
Глава 3. Бегство	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Черная боль Земли
Свет далекой звезды: история третья
Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Здравствуй, Земля

Все пошло не так. Не с самого начала – где-то с седьмого-восьмого ноль-прыжка. Сначала Свет почувствовал чужое присутствие в рубке. Он резко оглянулся, поймав лишь недоуменный взгляд Михаила. Но недоумение командира «Белки» было связано не с шевелением в соседнем кресле. Его палец ткнулся в прибор на панели, который вдруг поменял зеленый цвет глазка на красный, тревожный.

– Запаса ноль-вещества осталось как раз только до Земли, – глухо сообщил он товарищам, – я не понимаю, как такое могло случиться. Затраты на прыжок столь ничтожны, что нам должно было хватить наших запасов, чтобы слетать до твоего мира, Свет, и обратно на Землю раз десять, если не больше. А теперь вот...

Его палец опять ткнулся в красный огонек на панели.

– И что? – даже вскочил с кресла Мыльников, – если мы сейчас промахнемся...

Суриков не ответил, только укоризненно посмотрел на бортинженера. Даже охотнику была понятна укоризна во взгляде командира корабля. Во-первых, промахнуться Суриков просто не мог. Ну а уж если такое невероятное событие все-таки произойдет – на планетарной тяге до Земли смог бы добраться разве что Свет. Через пару тысяч лет; точной даты не смог бы сказать сейчас никто.

А охотник почувствовал, что присутствие чужого разума в рубке чуть изменилось. Теперь к напряженному вниманию присоединилась нотка злорадства. Он понял, что именно таинственный незнакомец, или незнакомцы причастны к тайной операции, закончившейся на панели управления «Белкой» – в том самом красном огоньке. Свет расплылся сознанием по рубке, не оставляя вниманием его экипаж. Единственное, что смог уловить сейчас охотник, это то, что энергия чужого присутствия сродни той, что излучал из себя пришелец из глубин космоса, подаривший ему и землянам так необходимые десять минут. Они – эти минуты – уже истекли, но корабль продолжал прыгать в ноль-пространство раз за разом.

Свет несколько успокоился. Неведомые хозяева существа, которому он дал имя – Звездный Странник – давали им возможность достичь Земли, и это главное. А как потом вернуться домой с Весной и сыном – покажет будущее.

– Главное, – чуть не заставила его оцепенеть в кресле неожиданная мысль, – чтобы они были на Земле.

В свете того, как вольготно распоряжались запасами топлива «Белки» хозяева Звездного Странника, они могли и на «Стрелке», которая к родной планете летела в автоматическом режиме, учинить какую-нибудь пакость.

Корабль вошел в последний, двенадцатый прыжок, когда его ощутимо потрянуло. Нет – не так! Тряхнуло только Света. Он до сих пор заполнял своим сознанием всю рубку, и теперь – в одно мгновение – это сознание заполнило просто невообразимое количество информации, которое мозг просто не успевал осмысливать. Пожалуй, даже мощный комп корабля не справился бы с этой задачей. А Свет такой задачи перед собой и не ставил. Он плыл по этому океану информации в направлении его источника, который без всяких сомнений находился на близкой уже Земле. Близкой, потому что «Белка» уже вышла из последнего прыжка и сейчас пожирала тысячи километров в обычном космосе, на планетарной тяге.

Михаил уже установил связь с космодромом и в рубку ворвался взволнованный и чуть растерянный голос командора Булгакова. Свет в разговор землян не вмешивался, но уже через несколько минут знал, что «Стрелка» давно вернулась на Курский космопорт, неся на борту единственного пассажира – какого-то сумасшедшего старика, уверявшего, что он является могучим чародеем из иного мира. Про иной мир командор ничего сказать не смог (команда «Белки» об этом знала больше его самого), а вот то, что старик – по словам Булгакова –

не смог в подтверждение своих слов показать даже простенького фокуса, порадовало охотника – с одной стороны. А с другой насторожило.

– Не тот ли самый здесь мир, о котором говорил Странник, и с которого нет возврата? – мелькнула еще одна тревожная мысль.

Впрочем, один фокус Горну (а это мог быть только он) удался. Он исчез из изолятора космопорта буквально через несколько часов после прибытия. Из помещения, из которого не мог исчезнуть даже микроб...

Корабль опять тряхнуло, и теперь земляне не остались безучастными. Потому что кресло, в котором уже несколько часов сидел Свет, вдруг опустело. Он был здесь, в рубке; по крайней мере ощущал свое присутствие. Однако в физическом плане его тут не было. Где сейчас находилось его тело; связан ли был этот необъяснимый феномен с информационным лучом, Свет не знал. Главное, что сейчас его занимало – в какой момент нужно было попытаться оторваться от луча?

Рядом шумели вскочившие с кресел космолетчики, и Свет с грустной улыбкой отмечал их искреннее волнение. В даре прорицателя есть свои плюсы и минусы. И чего больше, не мог сказать никто. Свет – точно. Зато он мог сказать, что видит этих людей, который стали ему настоящими друзьями, последние минуты. Потому что внизу – а он видел все вокруг корабля без всяких экранов – показались строения космопорта и огромное ровное поле, залитое огнями. Командир «Белки» тут же разогнал экипаж по местам.

Свет окинул друзей взглядом в последний раз, успел заметить, что в дальнем углу искусственного поля стоит копия их корабля и резко дернул всей своей энергетической сутью, которой когда-то с ним щедро поделились звезды. Сквозь удивленные вопли неведомых существ, управляющих лучом информации, он увидел растворяющиеся, словно в тумане, здания космопорта и рубку с людьми. На их месте вырос вековой лес. Он мягко прыгнул на темную, пропитанную влагой подстилку – уже в своем настоящем, физическом теле, и даже с мешком за спиной и мечом, чья рукоятка грозно торчала из-за спины. Он прикрыл глаза и глубоко вдохнул осенний, чуть пахнувший прелыми листьями воздух.

– Осень, – прошептал он, – и ландыши тут уже давно отцвели.

Свет успел заметить характерные широкие листья и красные ядовитые ягоды ландышей.

На какие-то мгновение ему показалось, что он опять стоит на берегу Русинки, и что не было никакого Узоха, Горна, шахиншахов и других владык. Что не было никакой магии... Он открыл глаза и замер – магии действительно не было. Точнее, может она и была, но охотник ее совершенно не ощущал. Стремительным движением Свет выдернул из ножен меч и закружил свою непробиваемую мельницу. Окружающие кусты стали первыми жертвами его воинского искусства на Земле. Охотник остановился и шумно перевел дух – не из-за усталости (мельницу он мог кружить часами), а потому что понял – прошлое не изменилось, и большой кусок его, связанный с учителем, мастером Ли, тоже.

За деревьями вдруг громко заиграла музыка, и Свет отругал себя – как он мог не заметить совсем рядом какое-то строение! Строением оказался большой бревенчатый дом, украшенный оконными наличниками. Дом был окружен забором из потемневшего ошкуренного горбыля. Хозяин дома (или тот, кого принял за хозяина охотник) тоже наличествовал.

Свет уже был во дворе – прятался от совсем невнимательного паренька за стволом толстой сосны. Она была единственным, что росло на территории, огороженной забором. Кроме порывевшей травы, конечно. Парень – невысокого роста, но достаточно крепкий, даже на взгляд Света – стоял у открытого окна и слушал песню, грустно осматривая длинные сухие сосновые стволы, которые кто-то умело раскряжевал на полуметровые поленья. Одно полено стояло, «украшенное» колуном, глубоко воткнувшимся в вязкую древесину. Судя по тому, что вокруг не наблюдалось ни сада, ни огорода, парень этот к сельским заботам никаких стремлений не имел. К колке дров тоже, хотя – охотник прислушался к собственным ощущениям –

совсем скоро должна была разразиться гроза, и дрова из сухих могли превратиться в очень даже мокрые.

Вообще, судя по взгляду этого парня, устремленного куда-то вдаль, мимо сосны, за которой прятался Свет, он уже видел себя где-то далеко. Скорее всего был он тут человеком временным, и этот дом родным не считал.

Охотник вышел из-за дерева под изумленный взгляд парня, постаравшись вспомнить, как корона Батурхана дарит окружающим людям родственные чувства. Магии, как он помнил, конечно вокруг не было, но парень действительно улыбнулся, словно встретил давно ожидаемого гостя. А Свет дождался, когда хрипящий музыкальный аппарат допоеет: «...Мой адрес не дом, и не улица – мой адрес Советский Союз», – и подумал в удивлении:

– Это в какой же год я попал?

Парень сделал шаг навстречу гостю, и Свет протянул ему руку со словами:

– Мир, тебе, человек. Меня зовут Свет...

...Имя – Александр Васильевич Суворов – было единственным, чем оставалось гордиться Сашке. Больше ничем он похвастать в своей жизни не мог. Разве только тем, что с треском вылетел со второго курса Воронежского лесотехнического института и неожиданно для себя оказался на рядовой должности лесника Ковровского лесокомбината. Здесь его по имени-отчеству называли всего один раз – при приеме на работу. Назвал директор лесокомбината, Юрий Степанович Назаров. Он, впрочем, называл так всех работников – память у человека была исключительной.

Теперь Суворова все звали просто Сашкой, или Сашкой-лесником. Только «хозяин» соседнего обхода – Володька Угодин – называл его корефаном. Вообще-то он так называл каждого, с кем выпил хоть один стакан самогона. Впрочем, по одному стакану Володька никогда не пил.

Сашка – парень лет двадцати, не очень крепкий на вид, как и его знаменитый однофамилец и тезка – мрачно оглядел огромный деревянный дом. В пятистенке, одиноко стоящем в лесу, раньше жил его дядя. У дядьки Толи он обход и принял. А тот после выхода на пенсию уехал в Москву, к сыну. Теперь Сашка жил в служебном кордоне один. Совсем скоро, поскольку березы и осины вокруг уже оделись в богатый осенний наряд, придет повестка из военкомата.

А до тех пор (и до нового лесника) нужно было топить две печи. Дрова лежали длинными рядами – там где длинные сухие хлысты распилил «Дружбой» на одинаковые по длине поленья вальщик дядя Вася Симанов. Не за так конечно – за два пузыря «Пшеничной». Парень заглянул в дровяной сарай – он был пуст. По словам того же Угодина совсем скоро должны были хлынуть дожди. И они требовали немедленно взяться за работу.

Однако настроения у Сашки не было. Он вяло ткнул пару раз по полену – как на грех сучковатому, не поддавшемуся, даже когда парень стукнул колуном со всего размаха. Толстое острие застряло в вязкой древесине, и Сашка отпустил самодельную рукоятку колуна. Рядом – на подоконнике открытого окна – стоял магнитофон. Этот старенький катушечный «Маяк» привез на кордон Суворов. Рядом стопкой были сложены разнокалиберные бобины, и парень взял первую попавшуюся. Она оказалась старой, еще со школьных времен. Он начал пристраивать пленку. Далеко – от станции Крестниково – донесся гудок, а вслед за ним шум отъезжающей электрички.

– На Владимир, – машинально подумал он, – три часа. Сейчас пойдет встречная.

Словно в подтверждение его слов издали, от станции Гостюхино, рядом с которой располагалась контора лесничества, прогудел другой электропоезд.

– Может, сходить в магазин? – подумал он теперь вслух, собравшись уже нажать на клавишу магнитофона, и пожал плечами.

В доме было полбуханки хлеба, а в магазине, топать до которого было почти полкилометра – а бензина в старенькой «Яве», и в еще более древнем «Восходе» не было совсем – кроме таких же черствых буханок, да рыбных консервов ничего не было. Правда за Татьяной, продавщицей, был небольшой должок. По весне она срубила баньку (не сама, конечно – муж), и без участия лесника тут не обошлось. Но Суворов не хотел испытывать ее благодарность больше разумного. Остаток «долга» он берег на собственные проводы.

Магнитофон наконец натужно заскрипел, начав сразу с середины когда-то популярной песни:

– Мы точки-тире телеграфные,

Ищите на стройках меня...

Суворов повернулся к дровам. В это мгновение от толстой сосны, стоящей отдельно от леса – растущей внутри огороженного горбылем двора – отделилась человеческая фигура. Напротив Сашки остановился незнакомец – высокий, плечистый, могучего телосложения, что было хорошо заметно даже под странного покроя одеждой.

Он дослушал хриплые слова о том, что: «...Мой адрес не дом, и не улица – мой адрес Советский Союз!», кивнул своим мыслям и улыбнулся.

Сашка заглянул в бездонные голубые глаза, для чего ему пришлось поднять голову вверх. Ему вдруг показалось, что рядом стоит старинный, давно ожидаемый друг. Он понял, что в магазин все таки придется идти, когда незнакомец протянул ему руку и сказал, четко выговаривая слова – совсем как учительница русского языка в Сашкиной школе:

– Мир тебе, человек, – себя незнакомец словно не относил к человеческому роду, – меня зовут Свет...

Сашка унесся в неведомый магазин, чтобы – как он подмигнул – обмыть встречу по-настоящему. Еще он успел крикнуть, чтобы Свет чувствовал себя, как дома, и охотник тут же воспользовался его предложением. Дом действительно был практически нежилым; Сашка и спал-то в большой кухне, на раскладушке – рядом с печкой и обеденным столом. В небольшом холодильнике (и откуда в памяти всплывали эти названия?) было пусто. Как и в остальных комнатах, кстати. Но и в небольшой белоснежной «Оке», и в комнатах было стерильно чисто, и Свет одобрительно хмыкнул – к армии парень практически был готов.

Его мысли опять вернулись к холодильнику и он загадочно улыбнулся. Через пару минут Свет был опять в лесу. Теперь в его руках был не меч, а лук со стрелами. Он вздохнул, вспомнив свое прежнее, еще домашнее оружие; посетовал на то, что совсем не было времени наведаться в заросли остролиста – тогда, когда он совсем ненадолго оказался в родных краях. Но и тот лук, что был сейчас в его руках, еще не знал промахов. Охотник бесшумно заскользил меж деревьев, успевая наблюдать сразу и за следами на лесной подстилке, и за ветвями деревьев. А еще он перестал удивляться тому, как окружающий мир похож на его собственный. Разве что двигался он здесь не в пример легче. Но тому было вполне естественное объяснение – еще на Карахане Суриков объяснил ему, что сила тяжести на Земле процентов на двадцать меньше. Потому сейчас могучие мускулы охотника требовали усилий, движения; они никак не могли напитаться приятной усталостью после долгого полета в космосе.

Свет плавно затормозил, не спугнув ни дикого поросенка, самозабвенно сражавшегося с каким-то толстым корнем на полянке, ни двух тучных глухарей, с интересом наблюдавших за этой «битвой». Поросенок был великодушно отпущен на дорасщивание, а глухари... Глухари с приятным сердцу и желудку стуком упали совсем рядом с кабанчиком, заставив его замереть на месте.

В следующее мгновение дикая свинья пронзительно заверещала и с треском ломаемых кустов исчезла в зарослях. Судя по шуму, там к ней присоединилось целое стадо, такое же испуганное. А Свет тут же приступил к разделыванию тушек. Скоро ничто не напоминало здесь об охоте. Жесткие перья и внутренности глухарей покоились в глубокой яме, куда охот-

ник по привычке бросил несколько слов – благодарность небу за богатую добычу. Он улыбнулся – вспомнил, как учил ощипывать птичьи тушки Анюту. Но улыбался он уже на ходу, выискивая машинально что-то... Стоп! На берегу мелкого ручейка обнажился пласт красной глины, и большой ком этой естественной заготовки для праздничного ужина Свет тоже прихватил с собой.

Скоро за домом – чтобы не портить парадный вход пепелищем – весело пылал костер; глухарь, обмазанный глиной, ждал своего часа. А Свет взялся за колун. Энергия бушевала в его теле, истосковавшемся по нагрузкам, и гора колотых дров росла рядом с охотником буквально с каждой минутой. Он отвлекался лишь для того, чтобы поправить костер; потом заложить по рецепту племени тутси обмазанного глиной глухаря в обжигающе горячую землю, которую тут же закидал еще тлеющими углями.

А потом не колотые дрова кончились. Он даже успел занести несколько объемистых охапок пахнувших смолой дров в сарай и заложить там у дальней стены поленницу. Как раз в этот момент вернулся Сашка. И вернулся не один. Его спутник – кряжистый мужичок с хитрыми глазками и чуть красным носом, указывающим на особое пристрастие к крепким напиткам, охотнику... понравился. Было что-то привлекающее в этом помятом, побитом жизнью (в том числе и в самом прямом смысле этих слов) лице. Свет, присмотревшись повнимательней, понял – этот человек, в отличие от Сашки, был на своем месте; жил своей, пусть и не самой светлой, жизнью. И земля вокруг – и лес, и совсем недалекая река, от которой нанесло вечерней свежестью – были его родиной. И уж он-то никуда отсюда не собирался уезжать.

Незнакомец первым и заговорил, оглядев огромную кучу дров:

– Ну показывай своего инопланетянина. Этот что ли?

Он подошел к охотнику вплотную и ткнул его корявым указательным пальцем прямо в грудь. Под его пальцем взбухла могучая мышца, которую можно было различить даже под просторной рубахой, и он кивнул, словно соглашался с кем-то.

– И впрямь инопланетянин, – согласился он сам с собой, – такую кучу дров переколот, и без бутылки. Или ты ему пообещал?

Он повернулся к Сашке, но тот не ответил, заворочено глядя на дрова. Тогда мужичок – а было ему далеко за сорок – ответил сам, подняв авоську в руке к самому носу охотника:

– А у нас как раз с собой, – в полотняной сумке в подтверждение звякнули бутылки, – маловато конечно (он еще раз оглядел могучую фигуру Света), но за знакомство выпить хватит.

И он протянул вперед правую ладонь, которая оказалась на удивление крепкой:

– Владимиром меня зовут, а фамилия Угодин. Корефан я этого вот охламона, – он кивнул на Сашку, – а заодно и лесник соседнего участка.

Тут его нос смешно зашевелился – Угодин учуял запах, пробившийся из-под земли.

– Это что? – повернулся он к той стороне дома, откуда и донесся аромат готовившейся дичи.

– Глухарь, – честно признался Свет, и повернулся к Сашке, – а второй в холодильнике – завтра супчик сварим.

Насчет супчика у Сашки были большие сомнения; ни лука, ни картошки в доме не было. А потом его задумчивая гримаса сменилась тревожной.

– Что, корефан, зассал, – хлопнул ему по плечу Володька, – боишься, что егеря набегут?

Он не стал дожидаться ответа коллеги, повернулся к Свету с хитрым прищуром:

– А ты егерей не боишься?

Охотник это слово слышал впервые, но сейчас почему-то представил себе багроволицего барона Рагона и его угрозы по поводу добытого Светом оленя. Еще он вспомнил, как лихо отсек и барону и его братьям гигантские уши, лишив фамильной «гордости».

Потому он и ответил, широко улыбнувшись:

– Не боюсь. А набегут – ушиотрежем.

– Вот это по-нашему, – еще шире улыбнулся пожилой лесник, – если ты еще и пьешь так же...

– Нет! – твердо прервал его охотник, – я совсем не пью. Зарок дал.

– Зарок это хорошо, – совсем разублаился Угодин, – зарок это святое.

Бутылки в сумке опять звякнули; по сморщенному лбу Угодина было видно, что он сейчас делит их содержимое по-новому.

До полной готовности глухаря по прикидкам охотника было не меньше получаса, и он решительно пресек попытку двух лесников прямо сейчас начать процедуру знакомства. Его рука обвела плавным жестом гору из дров и уткнулась в темный проем сарая. И Угодин, к его удивлению, тут же поддержал охотника.

Сашка с трудом выпрямил спину, к которой тут же прилипла мокрая рубаха, и с удивлением посмотрел туда, где еще недавно его пугал дровяной Монблан. Теперь все дрова лежали внутри, уложенные в аккуратные поленницы и надежно укрытые от дождя.

– Новому хозяину кордона будет чем топиться ползими, – почему-то с гордостью подумал он и вздохнул, глянув на Света, – этот точно здесь не останется.

Все-таки ему хотелось оставить дом, пусть не родной, в хороших руках. А Свет уже скрылся за углом, и мощный аромат готового мяса заполнил все вокруг. Теперь хищно повел носом и Сашка. Такого зверского голода он не испытывал очень давно. Немудреный стол накрыли прямо на улице. Венцом пира был, конечно, глухарь. Хотя у Угодина, наверное, было другое мнение... Глухаря всем троим хватило, а две бутылки водки под разговоры ушли еще быстрее. Разговоры, кстати, были весьма полезными. Владимир, к удивлению Света, совсем не расспрашивал его о далеком мире, ограничившись одной фразой, которой он оценил практическую такую информацию: «Брехня все это!».

А вот планы Света здесь, на Земле, его заинтересовали. И прежде всего – сегодняшний ночлег.

– Ты что, – набросился он на Сашку, – гостю на полу постелишь?

– Да у меня и стелить-то нечего, – растерялся тот.

– Тогда идем ко мне, в Мисайлово, – он прислушался к своему внутреннему состоянию, оценивая его возможности и кивнул: «Дойду!», – запряжем лошадь, и привезем тебе постель, корефан.

Он уже считал Света настоящим другом, и сила короны Батурхана была тут не причем. Рассадин еще раз взглянул на небо, где за тучами едва можно было определить положение солнца, и заторопился:

– Собирайся, Свет. Чай потом попьешь, вечером.

Охотник тут же оказался на ногах, уже собранный, и Владимир, чей взгляд – в отличие от Сашки – был на удивление трезвым, скептически ткнул пальцем в рукоять меча:

– Этим от волков отбиваться будешь? Так у нас их нет давно, охотники повыбили.

– Есть люди, которые будут поопаснее зверей, – сурово ответил охотник.

– Ага, – согласился Угодин, – например наш участковый – тот еще зверюга. Но его рубить нельзя, хотя он трижды заслужил этого. Потом всю жизнь скрываться будешь, никакие документы не спасут. Кстати, какие-нибудь документы у тебя есть?

В руках Света оказался меч:

– Вот мой документ.

Угодин вроде совсем не испугался острого клинка, который неподвижно замер у кончика его носа.

– Солидная ксива, – согласился он, не решившись кивнуть, – предъявишь один раз и придется махать этой корочкой до конца жизни. Так что убирай свою железяку, да и лук со стрелами тоже – мальчишки засмеют.

Свет и за меч, и за лук немного обиделся, но правоту пожилого лесника признал. Потому оружие, и мешок в придачу, он убрал в дом, и опять появился на крыльце: «Готов!».

Уже выйдя за калитку, Володька спохватился:

– А там – в твоём мешке – ничего ценного нет?

– Да нет, – успокоил его взмахом руки охотник, – так, побрякушки всякие.

Побрякушки, между прочим, стояли здесь баснословных денег. Вряд ли тот же Угодин мог заработать в лесокомбинате сумму, эквивалентную полпуду золотых монет, или двум горстям драгоценных камней, которым самое место было в Грановитой палате московского Кремля. А уж ценность шлема предка даже Свет не смог бы определить. Тем не менее он спокойно оставил сокровища на кордоне, резонно предположив, что никто его обыскивать в поисках клада не будет.

Владимир, как и положено леснику-обходчику, шустро шел по лесной тропе, которая вела напрямик к его деревне. Он часто оглядывался, потому что не слышал за собой шелеста листьев. Наконец он сдался:

– Послушай, ты можешь хоть специально шуметь; кашлять там, или...

Впрочем, об «или» он лучше бы молчал – желудок у пожилого лесника видимо давно не получал такой калорийной пищи, и поэтому беспрерывно угрожающе урчал. Охотник улыбнулся было, намереваясь ткнуть пальцем в этот живот, но замер, ощутив дыхание чего-то привычного, и уже не ожидаемого. Словно свежим ветерком до него донесло силой, подобной той, которой он привык распоряжаться в родном мире.

– Что там? – повернулся он в сторону ветерка.

– А, – махнул рукой лесник, – Венец – старая церковь. В революцию не смогли разрушить, так и стоит теперь больше шестидесяти лет никому не нужная.

– Зайдем, – решительно шагнул с тропы Свет.

Церковь из красного кирпича действительно пытались когда-то сломать.

– Ну или кирпичом разжиться, – понял Свет, разглядывая многочисленные проемы, в которых не хватало ценного строительного материала.

Впрочем, вряд ли кому удалось что-то здесь наковырять путного. Под проемами расплылась красная жижа, которая показывала, что целыми кирпичи никак не хотели даваться в руки варварам. Что касается раствора, – то стяжка из него так и не поддавалась ломам и киркам разрушителей, белея сейчас, словно соты из костей неведомых животных.

Свет внутрь храма, заполненного тем же битым кирпичом и другим мусором, зашел один. Он с интересом оглядел стены, на которых годы так и не смогли смыть до конца фрески. На него со стены глянул строгими глазами полустертый старец. Он слово хотел, и не мог предупредить охотника о чем-то. Свет остановился под полуразрушенным куполом и замер на месте, закрыв глаза и подняв вверх руки с открытыми ладонями. Он словно воспарил к небу – здесь это было возможно – и радостно купался в энергии, наполняясь силой. Но что-то мешало ему, что-то тревожило. Он чуть распахнул веки и наткнулся опять на взгляд старца на стене – теперь осуждающий. И Свет понял – магия в этом мире была. Но понять и собрать ее было дано не всякому. Только здесь, в моленном доме, сотни людей по капле цедили ее из окружающего пространства. Собирали сотни лет, и теперь уже старые стены так же скупно и расчетливо возвращали ее родной земле, не давая ей окончательно погрузиться в бездну греха и дикости. А он – пришелец – сейчас черпал ее бездумно; полными горстями и охапками.

И Свет остановился. Он поклонился старым стенам и ликам на них, поклонился этой земле, не отвергшей его с первых мгновений, и... так же бережно вернул энергию. Но из храма вышел просветленный и обнадеженный, что заметил даже Рассадин.

– Что, верующий что ли? – с подозрением спросил Владимир; сам он еще не подошел к той черте, когда пора было задумываться о вечном.

– Смотря во что верить, – уклончиво ответил Свет.

Он действительно верил – в собственные силы, в силу разума. А главное – что отыщет Весну и сына, куда бы их не забросили неведомые силы...

Глава 2. Богатырь земли русской

Свет прекрасно выпался на новом месте. Рассадин, выгрузив старинную кровать и матрас с одеялом к ней, тут же повернул Яну – лошадку, запряженную в телегу – обратно.

– Оставайся, – предложил было ему проспавшийся за время их отсутствия Сашка, – поздно уже, еще и под дождь попадешь.

– Ага, – рассмеялся Рассадин, которого прогулка по лесу протрезвила еще лучше, – теперь меня хочешь на пол положить. Нет уж, я домой. Завтра с утра приеду. Хоть картошки с луком да чесночком вам в погребе насобираю. А тебе (подмигнул он охотнику) на новом месте пусть невеста приснится.

И Свету действительно приснилась Весна – в первом же сне. Без сына, но зато с Волком. Она стояла в каком-то парке – неожиданно повзрослевшая, утопив руку в густой шерсти пса – и пристально смотрела на своего суженого. Словно предупреждала его о чем-то, или... просила прощения? Очень уж вид был виноватый у молодой женщины.

– Это я перед тобой виноват, – тут же проснулся Свет, – виноват, что не смог защитить тебя.

Он нащупал на голой груди медальон Весны и раскрыл его – пряди золотистых волос там не было. Стул с одеждой стоял рядом с кроватью. В полной темноте – за открытым окном не было видно даже намека на луну – он нащупал славинский камзол, в котором предстал перед Сашкой этим утром, а в его кармане аккуратно сложенный платок. Он и в темноте смог убедиться – в платке были только длинные волосы из гривы Орлика. Жесткая шерсть Волка исчезла безвозвратно, как и прядь волос Весны. Охотника едва не сбросило на деревянный пол неистовое желание – пусть эти два события будут связаны между собой; пусть сейчас, в это мгновение, Волк будет рядом с Весной.

В невообразимой дали от Земли в это мгновение – если только можно было сравнивать секунды и минуты двух миров, отстоящих друг от друга еще больше, чем два мира Света, старый и новый – в старом замке поднял голову огромный пес. Свет сейчас с трудом узнал бы Волка в этом поседевшем ветеране. Увы – два мира разделяли не только расстояние, но и время. Взгляд старого пса был вполне осмысленным. Какие мысли, какие воспоминания богатой на события жизни шевелились сейчас в крупной голове? Может, последние слова хозяйина, которые до сих пор жили в собачьем сердце: «Дождись меня, Волк!».

Практически посредине этого безумно длинного отрезка космоса кружилась вокруг своего солнца родная планета Света. Старой Зохре не спалось. Она вышла на крыльцо и подняла голову. Да, в чудесной долине царило лето, но на небосклоне висели по-зимнему яркие и огромные звезды. Она прищурилась, выбрав по наитию одну, не самую яркую.

– Где-то там сейчас Свет, – с теплой улыбкой подумала она; она повернулась к другой стороне низкого неба и выбрала еще одно далекое светило, – а там защитник, которого он нам оставил...

Она подумала о сладко спящей в комнате девочки и горестно покачала головой – вспомнила, как горько рыдала Замира, когда огромный пес, лежащий на траве, вдруг медленно истаял и пропал... навсегда.

Ну ничего, – опять повернулась к первой звезде провидица, – скоро у нас опять будет надежный защитник. А тебе спокойной ночи, Свет.

Именно в этот момент Нажудин, несмотря на глубокую ночь, протискивался в тайное ущелье, отрываясь от преследователей. Сделать это днем, под случайным взглядом неведомо откуда взявшихся мурганских воинов он не решился...

Охотник, быть может даже благодаря пожеланию провидицы, опять заснул. Его разбудил скрип колес, о потом и веселый голос Рассадина.

– Вставайте, лежебоки, – заорал он, разбудив только Сашку.

Свет уже стоял в проеме двери, обнаженный по пояс. В руке он держал меч. Володька замолчал, отвесив челюсть. Он – точно помнил – когда-то учился в школе. Вот тогда, в учебнике по истории древнего мира, он видел столь совершенные фигуры.

– Оказывается, – подумал он, – любоваться можно не только голыми тетками.

А Свет уже исчез в лесу, так же бесшумно, как он делал все. Стремительная пробежка опять напомнила ему о родном доме и о Волке – вот так же он бегал на берегу Русинки наперегонки с подрастающим псом. Он выскочил на поляну, и дикий поросенок – может тот же, вчерашний – не успел среагировать. Охотник подхватил его на руки и лес заполнил пронзительный визг. Охотник пощекотал несчастное животное, добавив децибел его крику, и отпустил его на свободу. Впереди показался тот самый ручей, где он вчера устроил заготовки красной глины.

Здесь охотник затормозил. Тело еще не разогрелось, но Свет с наслаждением окатил себя холодной водой. Показалось ему, или нет, но морозные иголки, тысячами впившиеся в кожу, впрыснули в него не только свежесть осеннего утра, но и малую толику магической энергии, которую не нужно было возвращать.

– Живая и мертвая вода, – вспомнил он еще одну русскую сказку.

Эта вода было живой. Может, она проходила через какую-то рудную жилу, а может, действительно чудесные свойства ей дарила земля.

– Древняя земля, – подумал Свет, – здесь за тысячи лет отдали за нее жизни столько героев и простых людей. Кстати, где-то в этих краях родился и жил тот самый Илья Муромец.

Охотник даже обрадовался – ведь с самого утра он пытался наметить план собственных действий. Но что делать, и куда идти в первую очередь? Вот первый пункт назначения и появился – Муром.

Высушить покрасневшую кожу Свет решил проверенным способом – на бегу. Рядом с речкой вилась утоптанная тропка. Вот по ней он и понесся, едва сдержав радостный клич. Пока кроме Сашки да Угодина он никого здесь не видел, но знал – и по записям в компе Мыльников, и по вчерашним разговорам за поздним ужином, что места здесь оживленные. Речка скоро исчезла, ушла под землю, а тропинка вывела его на высокий берег полноводной реки. Он оценил ее ширину – не меньше сотни метров, и вспомнил название – все из той же вечерней беседы – Клязьма.

Внизу, у берега, было многолюдно. По крайней мере для него полтора десятка человек были уже толпой. Стояли две машины – одна большая, с высокими бортами за длинной кабиной; вторая – поменьше; марку ее Свет, естественно, знать не мог.

– Хорошо хоть что такое машина знаю, – улыбнулся охотник, не выходя из-за толстой осины, что скрыла его от людей внизу, – а если бы сразу из своего леса сюда попал... бежал бы сейчас без оглядки.

Бежал бы он потому, что автомобили одновременно завелись и заревели, исторгая клубы сизого дыма. А люди уже расселись – даже в кузов заскочили несколько мужиков, погрузив какие-то емкости. Скоро на берегу остались только клубы дыма, осевшая на изъезженном пятачке пыл да тот объект, ради которого, собственно и приезжали сюда люди. К трубе диаметром не меньше сорока сантиметров вела выложенная камнем-дикарем тропка. А из самой трубы бил тугой фонтан кристально чистой воды, которой Свет обрадовался как хорошей знакомой. Это была та самая речушка, которая спряталась от него под землю. И вот тут уже фонтанировала не только вода, но и чистая энергия, которую охотник принялся черпать полными ладонями.

Он видел ее особым взглядом; чувствовал каждой клеточкой своего тела. Подобные чувства – пусть неосознанно – наверное испытывали и другие люди, иначе зачем бы они приезжали сюда за водой? А рядом – прямо за толстыми стенками трубы – текла другая вода. Охотник зачерпнул и эту – речную – ладонью, и тут же выплеснул. Даже не попытался понюхать, а тем более попробовать на вкус. Эта вода еще не была мертвой, но все шло к тому. В ней было столько примесей, смертельных для всего живого, что Свет, машинально оттерев руку о штаны, искренне пожалел и рыбу, которая в этой реке еще водилась, и бобра, который уже подплывал к противоположному берегу.

Назад охотник возвращался другой дорогой. Он намеренно шумел, походя к кордону. Мужики были на улице, у скромно накрытого стола под навесом из того же горбыля. Свет подсел к Сашке и Владимиру, которые не начинали без него завтракать. На тарелках перед каждым лежала горка чего-то красного, непонятного. Впрочем, поковырявшись немного в этом блюде вилкой, охотник разглядел, как на него уставился рыбий глаз.

– Это можно есть? – содрогнулся он.

– Ешь, – поощрительно хохотнул Володя, – рыбные консервы – килька в томатном соусе. Даже еще не просоченная.

И он показал Свету банку, вскрытую каким-то особенным способом. По крайней мере порезаться об острые края крышки можно было запросто. А потом Угодин бросил банку в ведро, стоящее рядом со столом и выполняющего роль мусорного, и охотник удивился такой расточительности – кусок неизвестного металла Сашка явно выкинет в яму в дальнем углу усадьбы.

На вкус килька оказалась... в общем, назад не попросилась. А вот молоко, которое привез с собой Рассадин, было просто великолепным.

– Не хуже, чем у тетушки Зокры, – оценил его охотник.

– Домашнее, – похвалился Угодин, – специально в деревню на лошади ездил, к утренней дойке. В магазине такого не купишь.

Свет допил молоко, поблагодарил за завтрак и уставился на лесников вопросительным взглядом. Он прекрасно понимал, о чем они говорили до того, как замолчали при его появлении. Точнее о ком – о нем.

Догадка оказалась верной, потому что Угодин сразу же спросил:

– И что ты собираешься делать?

Свет пожал могучими плечами:

– Для начала съездить в Муром

Владимир не выказал никакого удивления, но критично оглядел сидевшего напротив охотника.

– Не доедешь.

– Почему? – немного удивился Свет, – он же где-то здесь рядом.

– Рядом, – согласно кивнули сразу оба лесника, но ответил все таки Угодин, – до него даже вон на Сашкиной тарахтелке доехать можно – только бензин надо достать. А не доедешь, потому что первый же постовой с мотоцикла ссадит и в капэзэ отправит, в такой одежде. До выяснения личности. А личности пока я тут не вижу.

– Как не видишь? – почти растерялся Свет, принявшись оглядывать парадную одежду славинского князя, в которой он и появился в этом мире.

– Личность, – наставительно поднял палец Угодин, – это тот, у которого есть соответствующее удостоверение. А у тебя нет никакого.

– И что, – успокоился охотник, не обнаружив в своем костюме ни малейшего изъяна, – эти самые удостоверения у каждого проверяют?

– Нет, – успокоил его было Володя, но тут же добавил, – но у тебя точно проверят.

А Свет и сам уже понял, что рядом с новыми друзьями, а тем более в городе, да хоть в маленькой деревушке будет выглядеть чужаком – даже если бы не выделялся габаритами. Его мощная фигура и создавала сейчас затруднения – на нем костюмы Сашки и Володьки, жертвуй они их сейчас, вызвали бы еще большее подозрение.

– Значит, надо покупать, – вздохнул Угодин (рядом так же тяжело засопел Суворов), – а аванс дадут только послезавтра.

Свет подивился такой жертвенности новых знакомых; еще больше – тому, что они приняли его заботы как собственные, даже не подумав обратиться к властям. Потому он и не сомневался, исчезая ненадолго в комнате, которую ему выделил хозяин кордона, и появляясь со своим дорожным мешком в руках.

– Не надо ждать никакого аванса, – улыбнулся он широко, запуская руку в мешок, – деньги есть.

На стол посыпались золотые монеты, которые тут же попытались разбежаться по нестроганным доскам. Одной это удалось, и Угодин тут же нырнул под стол, вернувшись с золотым кругляшом в ладони.

– Это что, золото? – спросил он хриплым голосом, и охотник задержался рукой в мешке.

Вторая ладонь должна была высыпать на стол драгоценные камни.

– Богато живете, – немного успокоился Владимир, оглянувшись по сторонам, – и много у тебя их?

Он повертел монету перед собственными глазами, и Свет – к большому облегчению – не распознал в этом вопросе ни нотки алчности. А пожилой лесник вдруг растерялся:

– На это, – его ладонь не смогла закрыть кучку золотых монет на столе, – можно скупить всю одежду в магазинах Коврова.

– Ага, – добавил с сарказмом его молодой коллега, – и сесть на нары лет на десять.

Он выглядел сейчас намного спокойней старшего товарища; очень быстро выяснилось, почему. Оказывается уехавшим в Москву дядей Толей и его сыном родня Александра Суворова не заканчивалась. В том же Коврове – районном центре – жила старшая дочь дядьки, Лариса. И она, словно нарочно – Свет много мог бы рассказать о еще более удивительных совпадениях – работала медсестрой в зубоврачебной поликлинике.

Охотник не сразу понял связь между зубами и золотом, но повеселевший Володька, подмигнув ему, сказал, что этого Свету знать совсем не обязательно, и вытянул из кучки еще одну монету.

– Хватит, – решил он, – а это убери (это он про остальные монеты). Поедем сначала ко мне.

– Зачем? – попытался слабо воспротивиться Сашка, – это же какой крюк? А здесь вон – до станции полчаса ходу.

– У тебя же даже молотка нет, – разозлился Угодин на парня, – или ты прямо вот так золотишко понесешь? Может еще и легенду придумаешь, как у тебя прадед в несуществующее государство путешествовал.

Он покрутил перед носом Суворова монетой с профилем одного из древних рагистанских шахиншахов, и тот признал правоту друга – слова несуществующего на Земле языка могли поднять слишком большую волну, даже в среде скрытных дантистов. Лесники скрылись за деревьями, предоставив Свету право убрать со стола. А заодно – поставил себе задачу Свет – приготовить обед.

Охотнику пришлось самому – методом проб и ошибок – учиться, как работает газовая плита; по какой стороне коробка нужно чиркать спичкой (здесь фокус с огнем из пальца не работал), и еще многому другому, чего в памяти компа, который должен будет появиться только через два века, не было. Про два века Свет тут же постарался забыть – нечего забивать

голову несуществующей пока проблемой – а результатом своих изысканий остался доволен. И дом не спалил, и суп приготовил – пальчики оближешь. И даже гостей встретил – проводил.

Примерно через полчаса после исчезновения двух корефанов за забором требовательно загудела машина. Свет понял, что это вызывают хозяина, и таиться не стал. Он вышел за ворота, предварительно сняв с себя и славинский костюм, и рубаху, богато вышитую невиданными здесь узорами. Машина негромко тарахтела, а рядом с ней стояла девушка... нет, молодая женщина. Стояла, и смотрела на охотника, открыв рот. Сначала ее взгляд мазнул по медальону Весны (тоже, кстати, золотому), а потом медленно заскользил по его могучей груди, по плечам, по бицепсам, которые невольно напряглись под этими восхищенными глазами.

Свет кашлянул, и женщина в зеленой форменной одежде с четырьмя звездочками в петлицах (знать бы еще, что они означают), перевела взгляд на его лицо. А тут удержалась, не утонула в его бездонных голубых глазах, задав немного громче, чем следовало:

– А где Сашка?

– Здравствуйте, – ответил ей баритоном диктора центрального телевидения Свет, – а брата нет. Он по обходу ушел.

– Брата? – взметнулись вверх брови незнакомки, – он ни о каких братьях не говорил.

Охотник о степени близости Сашки с этой женщиной мог только догадываться, поэтому пожал плечами – мол, у него и спросишь, почему скрывал такого брата. Глаза незнакомки опять метнулись к этим плечам, но ниже не опустились; она все-таки выдавила из себя:

– Скажете, что приезжала Захарова, помощник лесничего. Пусть завтра в контору не приезжает, денег не будет.

– Хорошо, передам, – дернул грудными мускулами Свет, и начальница Сашки медленно пошла к машине – спиной вперед.

– Может, она боится, что я на нее сейчас наброшусь? – с веселой улыбкой проводил ее взглядом охотник, и, уже вслух – когда женщина готова была захлопнуть дверцу автомобиля, – до свидания!

Захарова кивнула за лобовым стеклом и машина круто развернулась, заставив охотника отскочить к воротам. Видимо, водитель, так и не соизволивший выйти из автомобиля, получил какой-то совершенно немыслимый приказ.

Ни Сашка, ни Угодин вести о задержке аванса не огорчились. Судя по огромным сумкам, которые они опустили на тот самый стол, съездили они не зря.

– Если ты думаешь, что сейчас будем обмывать твои обновки, то зря надеешься, – Володька шевельнул сумкой, и в ней звякнуло что-то явно приятное его уху – вон как расплылся в улыбке, – и обновки пока не получишь. Только после бани!

– Бани? – огляделся охотник – никакой бани он здесь не видел.

– Да не здесь, – правильно понял его замешательство хозяин кордона, – мы в городе Николаича встретили, договорились с ним. Так что он сейчас в усадьбе лесничества баньку топит, а мы ближе к вечеру туда и подвалим. Там знаешь какая баня, такой даже в Москве нет!

Свет не стал интересоваться, ни кто такой Николаич, ни чем знаменита эта баня – решил, что все оценит на месте. И оценил! Баня действительно была замечательной, и охотник сразу понял, почему. Потому что в прудик у баньки стекал ручеек из бьющего на горке в соседнем леску родника. И этой живой водой и поддавали они в жерло, где потрескивали раскаленные камни.

– Не бойсь, – завел его в парилку бородатый Николаич, который оказался мастером леса, еще одним начальником Сашки, – камушки не треснут, не выстрелят. Потому что сам их по берегу Клязьмы искал – один к одному.

На камни из ковшика плеснулась порция живой воды, щедро разбавленная «Жигулевским» пивом. Свет охнул – этот восторг душа сама выплеснула наружу; в таком виде она пиво приняла очень даже благосклонно. А в просторной комнате отдыха, в которой был даже камин

(не хуже, чем в Москве!), лесники уже накрыли на стол и разложили на скамье обновки. Они явно отметили, как смотрел на свою тарелку с консервами гость, и потому сейчас решили превзойти самого себя. Для российской глубинки одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года – оценил их старания Свет – стол был просто шикарным. Была даже икра – и красная, и черная (уже на бутербродах). А то, что за копченой колбасой нескольких видов надо было ехать в Москву, он даже не догадывался. Ему об этом потом, в парилке, сказал пораженный Николаич. Пил он, пожалуй, даже больше, чем Угодин, но успел похвалить Суворова.

– Видать сильно тебя братец любит, – поддал он еще парку, – пожалуй, что полгода на такой стол копил. Да и как за полдня в Коврове успел такие деликатесы отхватить, я даже не представляю? А ты как, в армию его приехал проводить? Или тут остаться надумал?

Он, очевидно, тоже оценил стати охотника – не с той стороны, конечно, что Захарова. Потом он, впрочем – так же доверчиво (т.с.с... – тихо, только как своему!) – посоветовал Свету уезжать отсюда как можно быстрее, в город, а сюда приезжать только на отдых... ну хотя бы на охоту.

– Сходим с тобой, Святослав, на зайчика. Я тебе покажу, как заячьи петли читать, да из ружья дам стрельнуть. Хочешь?

И Свет согласился, широко улыбнувшись. Глухариное мясо из супчика, которое еще раньше украсило собой стол, выдали за импортный деликатес, и мастер леса, попробовав его, только покачал головой: «Живут же люди!». Охотник грустно улыбнулся. Он сейчас вспомнил те столы, что накрывали в рыбацкой деревушке, или его родном селе – новые хозяева. А столы в гареме Гумирхана?! Он еще раз вздохнул, и предался чревоугодию, теперь уже по земному...

– А повертись-ка, сынку..., – чуть слышно процитировал Гоголя Свет, и Угодин наморщил лоб – где-то он уже эти слова слышал. Володька с Сашкой сейчас, после уже ставшей утренней пробежки охотника к живительной трубе, разглядывали его в новом наряде.

– Так себе костюмчик, – поскромничал Володя, который и выбрал на свой глаз и вкус изделие ковровской швейной фабрики. Вернее, изделий было два, и ни одно из них Свету не подошло. Первое было как раз в плечах, но все остальное терялось в этом костюме пятьдесят восьмого размера. Пятьдесят четвертый на плечи не налез. А Сашка смущенно потупился. Придется к Иринке ехать, к Захаровой – у ней от бабушки швейная машинка сохранилась, «Зингер».

Володька дружески пихнул корефана в бок: «А не боишься?». Что-то он такое об Ирине и Сашке знал. А тот только рукой махнул:

– Для брата не жалко.

Однако Свет категорически отказался возвращаться в лесничество. Не испугался, конечно, Сашкиной начальницы. Просто душа требовала немедленных действий, и он в результате натянул на себя спортивный костюм, а потом куртку из непонятного материала (но явно не кожа) таких невероятных размеров, что можно было славинский костюм не снимать – все равно под ней ничего не было видно. А потом водрузил на голову шлем. И лесники едва не упали на траву от смеха.

– Вы чего? – обиделся больше за доспех Свет, – сами же сказали, что без шлема на мотоцикле нельзя.

– Вот без этого, – подал ему круглый пластиковый колпак красного цвета Сашка, утирая слезы, выступившие от хохота, – этот будет надежней твоей железяки.

– Надежней? – Свет, не напрягаясь внешне, сжал шлем между ладонями, и тот громко треснул.

На землю посыпались обломки пластика и подкладка черного цвета. Корейфаны растерянно переглянулись – запасного шлема у Сашки не было. Свет улыбнулся – на то, чтобы шлем Владимира внешне выглядел как мотоциклетный, сил у него хватило...

Суворов с гордостью выкатил из сарая старенькую «Яву». Еще более старый служебный «Восход» завести не смог бы уже никто; он стоял в том же сарае лишь для того, чтобы получать в лесничестве бензин. Мотоцикл из братской Чехословакии затарахтел мотором, и инопланетянина пригласили на заднее сидение. Свет никакого волнения не испытывал. Не то, что доверял мастерству названного брата безоговорочно. Просто он предвидел, что вот таких случаев – впервые сделать, или попробовать что-то будет ох как много.

Он летал на космическом корабле, перемещался между континентами, но езда на мотоцикле... она была сродни скачке на горячем коне. Он вспомнил своего Орлика, и слился сознанием с мотоциклистом; сейчас эти два человека, выскочившие на достаточно гладкую дорогу, что пролегала вдоль левого берега Клязьмы, вместе нажимали и нажимали на рукоятку газа, пока «Ява», словно живая, не запросила пощады: «Быстрее не могу!». Рука Сашки тут же ослабла, сбивая скорость до допустимых девяноста километров в час, и мотоцикл загудел ровно, не мешая Свету разглядывать новый мир, новые деревни и людей, их населяющих. Впрочем, здесь людей по случаю рабочего дня было немного – разве что на автобусных остановках толпился народ, в основном пожилого возраста. А мотоцикл обгонял одну за другой тракторные телеги полные какой-то зеленой массы.

– На силос везут, – чуть обернулся назад Сашка, а потом кивнул вперед, где на огромном поле, уже скошенном, паслись коровы, – для них, на зиму.

Охотник присвистнул про себя – столько скота вряд ли набралось бы во всем государстве славинов. Он проводил глазами стадо; потом – с удивлением – дорожный знак, который подсказал, что они въехали в очередную деревню Барское Татарово.

– Вроде бы никаких бар тут давно нет, – вспомнил он историю России двадцатого века, – и коровки, что мы видели, называются колхозными... Пока.

А Сашка опять обернулся к нему:

– Это уже соседний район, Вязниковский. Скоро на трассу выйдем.

На трассу «вышли» очень скоро. «Ява» влилась в поток попутного транспорта, который, как уже знал охотник, мчался из Москвы в город Горький. Навстречу с ревом проносились грузовики, мелькали почти беззвучно (благодаря шлему) легковые автомобили. Свет уже перестал удивляться многолюдству; даже начал немного тяготиться им. А может, это его просто потянуло в родной мир, пусть жестокий, не такой комфортный, как здесь, но... свой. Но следить за окружающим миром не перестал. Он уже предвидел, что дорога домой, а до того – за любимой женщиной и сыном – будет очень долгой.

По трассе «Ява», совсем немного (по ощущениям охотника) нарушавшая скоростной режим, мчалась больше часа; потом Сашка повернул направо, на дорогу не такую широкую, и заметно разбитую. Тут скорость упала до шестидесяти, а потом «мотогонщик» и вовсе свернул в лес, на едва заметную тропу. Здесь путники пообедали, «чем бог послал». Охотник на слова землянина лишь хмыкнул; вспомнил работоторговца Харамы, на золото которого они и продолжали шиковать. Потом по очереди сходили за кустики – хотя в этой глуши ничего из железному коню не угрожало.

– Здесь людей почти не встретишь, – пояснил Сашка, – дальше вообще муромский заказник начинается; там только егеря да лесники ходят.

Свет его слова оценил, когда лес стал гуще, мрачнее; он с каждым километром все ближе смыкался вокруг дороги. Вот тут можно было поверить, что земля, а значит и лес на ней когда-то родил могучего богатыря.

Сам Муром Свету ничем примечательным не запомнился – город как город (много он из в этом мире видел?). Церквей, да зданий старинных, было конечно много. Но охотнику пока облик древнего города было сравнивать не с чем. Даже в Коврове, рядом с которым он прожил уже два дня, Свет так и не побывал. Но что-то все таки ощутил, даже не слезая с седла мотоцикла. Что-то схожее с ощущениями, что обрушились на него в древнем полуразрушен-

ном храме. Только здесь эти ручейки живительной энергии, что истекали от многочисленных церквей, терялись в густых выхлопах автомобильных дымов. Еще больше копоты к небу несли многочисленные трубы, которые явно могли обогреть не одну сотню домов.

Сашка тут остановился всего два раза – чтобы узнать дорогу на Карачарово, родину Муромца. Первый прохожий, к удивлению и Суворова, и Света, дороги туда не знал. А второй описал ее очень подробно – видно бывал там не раз. Впрочем, села Карачарова, как оказалось, давно уже не было. Разросшийся город поглотил его, и улица Приокская, где им показали старый дом, в котором, как уверяла словоохотливая старушка, вырос былинный герой, теперь была частью города.

Старушка видимо была еще и очень любопытной, потому что засеменила за отъехавшим мотоциклом и даже догнала его, когда тот остановился у большой каменной церкви, у которой сохранилась целой высокая четырехъярусная колокольня. Уже скрываясь в проеме этого сооружения (двери там давно не было) Свет услышал ее слова, которые старушка обрушила уже на одного Сашку:

– Это Троицкая церковь, сынок. Никак руки у людей не дойдут ее восстановить...

Полустертые каменные, а потом железные ступени привели охотника на самую вершину колокольни. Церковь и так стояла на пригорке, с которого были видны и граница с Горьковской областью, и с соседними районами Владимирской, а главное – речной простор. У Света захватило дух. Он, конечно видел с высоты птичьего полета (и даже выше) реки в родном мире, но там не было живой энергетики, все внизу мелькало с бешеной скоростью, и чуть слышный гул двигателей «Белки» мешал слушать торжественное молчание воды. Здесь же душу охотника стало заполнять это неслышимое журчание речных струй, безмолвное скольжение большешглазых рыб и...

– Что, – раздался позади могучий бас, – тоже пытаешься выглядеть, куда я дубовые пеньки бросал?

Слова звучали вполне современные, с правильной интонацией и ударениями, но Свет был уверен – позади него стоял тот, к кому он и стремился за помощью; по крайней мере за подсказкой.

Он не стал оборачиваться – знал, что никого там не увидит. Еще он знал, что это не галлюцинация, и все вокруг – и широкий порыжевший луг у реки, и саму Оку, и даже город заполнила сейчас огромная бесплотная тень души, которая никогда не покидала родную землю.

– Здравствуй, Илья Иванович, – чуть поклонился в сторону реки охотник, уверенный, что незримый собеседник видит каждое его движение

– Здравствуй и ты, Светослав. Вижу, пришел ты за помощью, но не ведаю, чем могу помочь, – Свет сделал движение рукой, но не сказал ни слова, потому что ласковый ветерок с Оки словно остановил его жест, – силушки у тебя поболее будет, чем у меня вместе со Святогоровой; камень, что хранил мои доспехи, у тебя тоже был... Да и доспехи твои, хоть ты и одаривал ими товарищей щедро, великую силу имеют. Вместо калик переходящих явился тебе человек чудной, что разбудил в тебе силу, да направил на путь нужный...

Свет понимал эти иносказания – и про камень, и про учителя – мастера Ли, и все остальные; быть может, Муромец – если только Свет сейчас все не напридумывал, читал прошлое в душе охотника? Но вот он перешел к будущему, к тому, что сам Свет пока не видел, но стремился угадать.

– А вот Идолище проклятое на твоём пути встретится, и должен ты будешь его победить. Тем более, – Муромец за спиной явно улыбнулся, и реку залили яркие лучи солнца, выглянувшие из-за туч, – что ты уже дал клятву покончить с ним. И еще...

Голос Ильи Ивановича загремел, останавливая попытку изумленного Света все-таки оглянуться, и гладкая речная поверхность покрылась рябью, в которой сразу заиграло солнце:

– Недаром ты прибыл в этот мир, на землю моих и... твоих предков. Ждет ее великая боль, черная боль. Вот и возьми ее на себя, Светослав, не дай земле покрыться гнойной коростой. А она тебя отблагодарит, парень, по подвигу твоему отблагодарит – отправит туда, куда стремится твоя душа...

– Куда? – все-таки повернулся охотник.

На небольшой площадке, на которую уже давно не ступала нога звонаря (да здесь даже веревок от колоколов не осталось, не то что ценного цветного металла), никого и ничего не было. Лишь сиротливый желтый дубовый листок, неведомо как занесенный ветром на эту верхотуру, лежал на каменном полу. Совсем недавно – когда охотник поднялся на колокольную площадку – его здесь не было. Да и ветер гулял где-то высоко, ни разу не нарушив безмолвной беседы. А значит...

– Ничего это не значит, – пробормотал Свет, все таки подняв листок и бережно определив его за пазухой – туда, где уже хранилась прядь из гривы Орлика и медальон Весны – увы, пустой...

Глава 3. Бегство

Назад за руль мотоцикла – несмотря на сопротивление Сашки – сел Свет. На главный аргумент лесника: «Да у тебя же даже прав нет!», – он лишь загадочно улыбнулся.

– Есть у меня права, парень, – практически неслышно прошептал он, – только что получил. Такие права, что не только на территории России действуют.

И Суворов смирился, сел на заднее сидение. А Свет повел мотоцикл уверенно и осторожно, соблюдая все правила дорожного движения, что в городе для такого новичка было делом нелегким. Но новичком Свет был только в глазах Сашки; сам он всю дорогу до Муромы не только глазел по сторонам, да прислушивался к редким репликам Суворова, но и впитывал в себя его мастерство, попутно отмечая огрехи, и исправляя их – уже в себе, естественно.

Это мастерство он и показал, когда после небольшой остановки – практически в том же месте, где в первый раз, только по другую сторону дороги – «Ява» вырвалась на горьковскую трассу. Тут мотоцикл довольно заурчал, и прибавил обороты; а Свет еще попытался добавить в бензин, который мелкими брызгами впрыскивался под бешено снующие поршни, собственной энергии. И у него получилось! «Ява» теперь ревела как голодный зверь, которому наконец бросили мясную косточку. Сашка за мощной спиной охотника конечно не видел, что творилось со стрелкой спидометра. И хорошо, что не видел, потому что не поверил бы своим глазам. Ему было так спокойно за этой надежной спиной, которая ничуть не была напряжена. А стрелка, между прочим, перескочила за последнюю отметку «180» и застыла в крайнем правом положении. Шлем Владимежа сейчас походил на те, которые мотоциклетная мода изобретет через несколько десятилетий; он полностью защищал лицо от свистящего ветра – в нем можно было петь во все горло, наслаждаясь скоростью, что он и собрался сделать, но... Далеко впереди он заметил выдвинувшегося прямо на полосу движения человека, замахавшего полосатой палкой.

На педаль тормоза Свет нажимать не стал, просто отпустил рукоять газа, да поблагодарил мысленно двигатель, с честью выдержавший испытание. Пока «Ява» подкатывала к постовому, быстро теряя скорость, он успел вспомнить таких же стражников – на рагистанско-славинской границе. Там их было больше – целый десяток – и вооружены были они не в пример солиднее, саблями да копьями. Но вот жадности в них было... ну если у всех собрать, как раз бы хватило на этого представителя земных дорожных властей, вооруженного одной палкой.

Сашка за спиной тут же заныл: «Я же говорил!», но Свет заставил его заткнуться – одним движением мускулов спины. А «Ява» наконец остановилась, чуть не наехав на черный форменный сапог.

– В чем дело, сержант? – охотник вроде и не повысил голоса, но сейчас в нем – совершенно органично – прорезались властные нотки сразу нескольких правителей иного мира. И внутренне чутье постового подсказало – зря он остановил этот мотоцикл. Он вытянулся по стойке «Смирно!», – и отрапортовал, заставив лесника за спиной испуганно сжаться:

– Старший сержант Гаврилюк! Разрешите продолжить патрулирование?!

– Продолжай, – махнул рукой охотник, вспомнивший почему-то как раз про село Барское Татарово, – все в порядке по службе?

– Так точно, – вытянулся еще ретивей старший сержант, который успел спрятать куда-то свой жезл, – только...

– Что только? – снял с педали стартера ногу охотник.

Постовой нагнулся к его уху и, понизив тональность голоса, сообщил:

– На разводе утром сообщили, что шесть эков из Мелеховской колонии сбежали. Особо опасные. Двух охранников кончили, и «Калашниковы» их с собой прихватили. И вроде их в нашей стороне видели.

– Хорошо, – поставленным командирским голосом отпустил сержанта Свет, – учту.

Мотоцикл взревел, и почти сразу свернул с трассы, на дорогу, что вела к дому – Сашкиному, естественно. А сержант еще долго провожал глазами фуры и легковушки, пытаясь найти ответ на простой вопрос: «Что это было?»...

Охотник опять обратился к движку – как бы дико это не звучало:

– Давай дорогой, жми!

Какое-то смутное беспокойство посеяли в его душе слова сержанта. Связано ли оно было с сбежавшими заключенными, Свет пока не знал. Но он точно знал – надо спешить. Поэтому «Ява» опасно кренилась на поворотах, которых здесь было великое множество и натужно выла на ровных участках. Они вихрем, не снижая скорости, промчались через несколько деревушек, въехали в большой поселок, который по-простому назывался Клязьминским городком, и тут вынуждены были затормозить. Свет, правда и сам бы остановил мотоцикл рядом с толпой, которая перегородила дорогу у автобусной остановки. Напротив нее располагался магазин, на высокой ступеньке которого как раз заканчивал речь участковый, лейтенант Михаил Уткин – тот самый «зверюга», которого побаивался даже тертый калач Угодин.

Милиционер взглянул строго на подъехавший мотоцикл, и бросил напоследок в толпу:

– Так что граждане, сами понимаете – пока не поймает извергов, в лес ни ногой. Хватит нам уже двух трупов, что они району «подарили». Не дай бог вам увидеть такое.

– Господи! – закричала вдруг какая-то женщина в толпе, – а мои Танька и Женькой как раз за лисичками ушли...

– Куда!? – резко повернулся к ней участковый.

– Да кто же их знает?! – еще истеричней выкрикнула тетка.

Лейтенант обвел еще раз – уже торопливо – толпу, и задержался на мотоцикле, и его владельце – леснике Сашке Суворове. Высокого плечистого блондина рядом с Сашкой не было, и как он мог исчезнуть совершенно незаметно для него, опытный участковый так и не понял...

А Свет за несколько мгновений до этого вдруг почувствовал, как вздрогнула, и протяжно застонала земля. Застонала так, словно это ее сейчас насиловали... или собирались сделать это. И охотник понял – кто-то очень сильный и злобный сдавил сейчас само сердце земли. Свет знал, где оно находилось! Самой короткой дорогой к старому храму были лесные тропы, по которым он мог мчаться быстрее всякого мотоцикла. Уже на бегу, стремительно врываясь в чистый березняк, он с сожалением вспомнил о мече, который оставил в Сашкином доме. Но времени завернуть на кордон совершенно не было...

Тане Жуковой было уже четырнадцать лет, и она считала себя вполне взрослым человеком. Во всяком случае, мамке помогала, чем могла. Мамке было тяжело; отец бросил ее с двумя малыми детьми очень давно – Таня его уже и не помнила. А сестренка – Женька – что была младше ее на три года, вообще его не видела ни разу. Где-то он пропал на северах (так говорили соседи – мамка о нем не любила вспоминать), ни разу не осчастливив детей алиментами. Вот и теперь Татьяна, собираясь в лес, взяла с собой Женьку. Сестренка в грибах разбиралась плохо, в смысле, собирать их совершенно не умела. А Таня была знатной грибницей; приносила домой полные ведра. Сейчас сезон, конечно, прошел, но она знала, что по осеннему теплу опять вылезли петушки. Домой, на зиму, она грибов уже натаскала, а эти петушки ей были нужны на продажу – Татьяна копила себе на джинсы, и ей оставалось ну совсем чуть-чуть.

В овражек, который был ее тайной грибной плантацией, она вместе с сестрой спускалась осторожно – чтобы и вылезшие уже ярко-желтые петушки не раздавить, и подстилку лесную не содрать – сквозь нее следующей весной ползет новый слой. Она нагнулась за первыми грибочками, когда позади раздался испуганный крик Женьки. Девушка резко выпрямилась, и чуть не столкнулась нос к носу с каким-то небритым мужиком, который занимался тем же, чем и она – собирал грибы. Таня стояла чуть выше по склону оврага и его глаза оказались так близко, что она успела прочесть в них попеременно дикий ужас, затем удивление, и наконец – хищную радость, даже ликование, словно этому мужику преподнесли самый лучший в его

жизни подарок. В следующий момент она почему-то подумала, что слово «подарок» в данном случае относится к ней, а потом... Потом ей тоже захотелось завизжать, еще громче, чем Женька, но жесткая ладонь, пропахшая табаком и еще чем-то очень противным, перекрыла путь и крику, и воздуху. Теряя сознание, девушка попыталась вывернуться из рук этого страшного мужика, но тот только крикнул, и ладонь почти совсем закрыла лицо Татьяны. Она уже не слышала, как рядом захрипела в руках другого небритого типа ее сестренка...

Свет стремительным броском преодолел последние метры и застыл под окном храма. В тени дверного проема неумело прятался хлипкий мужичок, и охотник уже примерился к его горлу. Потом он отметил, что внутри храма пока все спокойно, лишь хриплый голос выговаривает кому-то, скорее всего поделщику:

– Да ты же, Кабан, чуть не придушил ее. И ты, Хриплый, тоже хорош. Зачем девку по морде надо было бить?

– Да не бил я ее, – голос у Хриплого действительно был таким, словно грубым наждаком по ржавому железу водили, – упала она с плеча, да рожей прямо в корягу попала. А так – ничего девка, я пощупал.

– Пощупал он, – явно довольно заворчал невидимый критик, – что, опять по жребию?

– Нет, – это опять проскрипел Хриплый, – с тобой, Юрик, по жребию неинтересно. Все равно ты первым окажешься. А после тебя, как...

– Как? – Юрик опять был недоволен, – как ты что ли? Ты ту девку ножом так искромсал, что даже Хлюпик на нее залазить отказался, а он ведь... сам знаешь.

Недомерок, оставленный часовым у дверей, вроде бы всхлипнул, а может засмеялся – его тонкий голосок едва не заставил охотника передернуться от отвращения. Он все-таки направился к нему, к часовому, который смотрел не на сектора охраняемой территории, а внутрь храма. Наверное потому, что там для него было много интереснее. Свет остановился за его спиной, когда в полуразрушенном здании резко треснула разрываемая ткань, а следом раздался отчаянный девичий крик.

Хлюпик судорожно вздохнул, и повернул голову к Свету, не сразу осознав, что рядом стоит незнакомец. Он даже подмигнул охотнику, попытавшись поделиться с ним зарядом похоти, который так и брызнул из его глаз. Из уголка губы недомерка в одежде с чужого плеча висела длинная тонкая капля слюны, но ее Хлюпик втянуть в себя не успел. Потому что его голова продолжила движение, уже благодаря ладоням Света, и громкий треск – на взгляд охотника, был самым приятным звуком, который мог издать этот человек. Мертвое тело влетело внутрь, а следом шагнул Свет, которого обдало нестерпимой болью и ужасом девочек – здесь, в храме, ничто могло заслонить их от вздрогнувшей души охотника. Волны злобы, растерянности и уже не скрываемого страха, что исторгли сейчас четыре человека, если еще можно было так назвать их, обтекали его, хотя и не давали расслабиться.

– А где еще один? – успел подумать Свет, и тут из темного угла храма в светлый проем двери полетела длинная очередь.

Автоматчик так и не успел понять, почему этот проем стал таким светлым —ведь в нем только что стоял широкоплечий парень, который вдруг оказался рядом с ним. Уже машинально коренастый мужик с длинным шрамом, разделившим его лицо по диагонали надвое, повел автоматом налево, и под купол храма унесся дикий крик – ээк задел одного из своих. Так же машинально охотник подумал: «Этот помучается чуть подольше», – и нанес первый разящий удар. И последний – для автоматчика со шрамом. Свет словно получил от старца, скорбно смотревшим со стены, разрешение бить в полную силу. Потому под его безжалостным кулаком голова ээка буквально вколотилась в плечи. За спиной охотник кто-то громко икнул, явно не поверив своим глазам – потому что поверить в такое было невозможно. Вот только что здесь стоял человек, может не с самым приятным выражением лица, а теперь битый кирпич попирают ноги трупа, у которого не было ни головы, ни шеи. Впрочем, стоял он совсем не долго.

Мертвое тело начало заваливаться назад, а Свет был уже посреди храма, где нервно дергал за предохранитель акээма второй автоматчик. Охотник внешне очень легко выдернул оружие из его рук и намотал стальной ствол на кулак. Вот так просто взял, и накрутил прочнейший ствол на собственную руку, словно прутик какой-то. Поэтому бандиты не проронили ни слова (только раненый в плечо позволил себе негромко поскуливать), когда Свет кивнул испуганным девочкам на дверной проем:

– Девочки, подождите меня снаружи. Я недолго.

Один из бандитов дернулся, словно хотел спросить:

– А нас? Нас тоже подождите!

Явно ни он, ни другие эки не хотели оставаться наедине с этим страшным незнакомцем. Но Свет сделал шаг вперед, и он заткнулся. А Таня с Женькой, у которой с одеждой было все в порядке, пошли, взявшись за руки, испуганно, но оглядываясь с уже проклюнувшимся интересом. Впрочем нет – это младшая держалась за обрывки платья сестры, а та как раз эти самые обрывки старательно придерживала, чтобы в них не так отчетливо было видно ее юное тело. Свет представил на мгновение, во что бы оно превратилось, опоздай он хоть на пять минут, и глубоко вздохнул, закрывая глаза. Бандитов он не боялся; не потому, что надеялся на силу заклęcia Тагора, и не потому, что отслеживал каждое движение бандитов и на слух, и даже носом – очень уж они характерно смердели – потом, кровью и страхом.

Просто с последним шагом старшей девочки из храма, оглянувшейся теперь уже с явным любопытством, он выпустил наружу все силы, и теперь их законы правили здесь, в том числе и нравственные. И эти законы не позволили бы сделать насильникам ни единого жеста. Оптика в этом полуразрушенном зале и раньше была великолепной, а теперь эки расслышали даже, как открылись глаза охотника.

Свет поднял голову и встретился взглядом со стариком – святым, которого очень давно начертала по сырой штукатурке рука неизвестного мастера. С уголка правого глаза святого медленно текла капля крови, но он – показалось ли это Свету? – медленно кивнул, пообещав взглядом, что не закроет глаз, и что... возьмет на свою бессмертную душу все, что сейчас произойдет сейчас в этом храме.

Ни один звук не вылетел наружу – силы за этим следили бдительно, хотя некоторые крики, казалось, не смогли бы удержать никакие силы во вселенной. Но когда Свет через десяток минут вышел наружу, девочки, не отрывавшие взглядов от проема, который вдруг заволокла какая-то серая дымка, на мгновение оцепенели от ужаса – настолько страшным был лик охотника. Впрочем, им достаточно было один раз мигнуть и перед ними опять стоял обычный парень, могучий даже в широченном балахоне из непонятного материала. В нем остроглазая Татьяна разглядела несколько сквозных отверстий – явно пулевых – но легкая бледность на щеках незнакомца явилась скорее всего не от ран, невидимых глазу. Таня сунулась было в храм, чтобы проверить это предположение, но крепкая рука тут же развернула ее в сторону дома – так стремительно, что она едва не выпустила из ладошек половинки разорванного платья. А мысль о доме сразу же напомнила о матери. И хотя времени с того момента, как ее схватил небритый насильник, прошло совсем немного, она почувствовала какое-то стеснение в груди. словно боль и беспокойство матери передалось ей на расстоянии. И сестренка уже тянула за руку.

Свет проводил девочек до самого Клязьминского городка, но в поселок заходить не стал. Он только убедился, стоя за толстой сосной, что ни Суворова, ни его мотоцикла рядом с магазином нет, и тихо скользнул в лес – теперь в сторону кордона. Уже издали он услышал, как запричитала женщина; мать наконец дождалась своих детей.

Дома охотника встретил растерянный Сашка и хмурый Угодин. Вид последнего говорил сам за себя: «Доигрались!». Но по мере того, как охотник скупно, но очень информативно рассказывал о том, где он пропадал, и что делал после того, как оставил Суворова в поселке,

лоб пожилого лесника разглаживался, но в глазах росла какая-то глухая тоска. Хотя он явно не осуждал теперь Света.

– Все, кирдык, – подвел он итог поездке корефанов в Муром, – теперь от нас ментовка не отвяжется. Тебе, парень, – он повернулся к охотнику, – надо бежать отсюда прямо сейчас и подальше.

Свет открыл было рот, но пожилой лесник замахал на него руками:

– Нет-нет! Даже не заикайся, куда поедешь! Все равно мы в ментовке все выложим, – он повернулся теперь к вставшему со скамьи Сашке, и кивнул ему, – да, расскажем! И не спорь – я знаю, что говорю. Соловьями будем разливать, наперегонки. Есть методы... Только бы не проговориться о том, откуда ты нам на голову свалился.

– Почему, – удивился Свет, – разве это что-то изменит?

– Для тебя, может и нет, – пожал плечами Владимир, – все равно по все стране будут с пеной у пасти носиться. А нас точно в дурку загонят. А это хуже зоны.

Он вдруг подмигнул охотнику:

– Иди, жених недоделанный – меряй обновки!

Свет вошел в дом. На его аккуратно прибранной кровати был разложен целый гардероб. Он оглянулся в растерянности на друзей, но те закрыли за его спиной дверь, наверняка надеясь полюбоваться на него уже в праздничном наряде. Костюм, в который он вчера мог свободно завернуться три раза, теперь был впору; как и все остальное. Даже носки на кровати лежали, поглаженные. Охотник вспомнил вчерашний визит Иры Захаровой, Сашкиной пассив, и хмыкнул – не зря женщина так долго и пристально изучала его фигуру. Туфли (одетые им впервые в жизни), тоже пришлось впору – тут уж, как догадался Свет – постарался Угодин. Он же и ахнул первым (может, даже не нарочито), когда охотник, одетый с иголочки, вышел во двор.

– Точно жених, – обошел он Света с восхищением во взоре, – хотя нет! Народный артист. Хоть прямо сейчас на съемочную площадку. А теперь, – скомандовал он, – марш обратно в комнату и поваляйся так на кровати с пяток минут.

– Это еще зачем? – быстрее Света отреагировал Суворов.

Он явно обиделся за труды своей начальницы.

– А затем, – наставительно поднял указательный палец Угодин, – что в таком виде на него половина Коврова вешаться будет. Женская. А другая половина зубами скрежетать, от бешенства. Давай-давай – обомнись чуток, и лицом не сияй, как золотая монета.

– Кстати о золоте, – вспомнил охотник, – я хотел с вами по-братски...

– Нет, – решительно замахал на него, а заодно и на оживившегося Суворова, – все равно отберут. А золото – это еще одна статья. Так что давай – по-быстрому собирайся, и беги на электричку. Не опоздать бы.

Рядом с мешком Света предусмотрительный Владимир положил немного потрепанный, но вполне солидный портфель, и длинный черный футляр.

– Тубус, – вспомнил название пустой пока картонной коробки для чертежей, – для меча.

Охотника обдало теплой волной благодарности к Угодину. Сам он о мече даже и не вспомнил. Может, потому, что оружие раньше всегда было при нем? Он поглядел с сомнением на кровать, которой здесь тоже не было бы, не прояви заботу лесник. Он не стал бросаться, как предлагал Владимир, в постель прямо в костюме и обуви. Охотник просто провел руками по одежде, подпрыгнул, отмечая некоторой неудобство в еще не разношенных туфлях и подошел к зеркалу, неведомо почему оставленному прежними владельцами. В большом овальном стекле отразился парень, отличавшийся сейчас от миллионов подобных людей разве что широкими плечами да пронзительными голубыми глазами, взгляд которых мало кто смог бы выдержать. Но Свет с собственной фигурой экспериментировать не собирался, так же, как и играть в детскую игру: кто кого переглядит. У него сейчас была гораздо более важная

и сложная задача – скрыться от представителей местных сил правопорядка. Они, как уже понял охотник, если и отблагодарят его за ликвидацию банды преступников, то весьма своеобразным способом. Он хищно улыбнулся, представив, себе лица тех стражей, что первыми зайдут в старый храм. Его самого чуть не передернуло сейчас. Свет вспомнил, как получив безмолвное согласие старца на стене, он выпустил наружу все, что хранилось в самых дальних уголках его памяти; все, связанное с отвратительными обрядами Узоха. А еще он помнил последний, понимающий взгляд святого, у которого при прощании кровавые слезы текли уже из обоих глаз.

На дворе его одобрительным взглядом встретил Угодин. Сашка топтался рядом с растерянным лицом, и его корефан подтолкнул парня к Свету:

– Прощайся.

Суворов неловко ткнулся в грудь охотника, и повернул лицо к Владимиру:

– А ты?

– А я провожу до станции, – ухмыльнулся Угодин, – а то наш гость пожалуй и билет на электричку купить не сможет. А ты, Сашок (он несильно хлопнул по груди Суворова) еще раз пробегись по усадьбе, да протри все тут, подчисти следы. Может, Свету один лишний денек и выгадаем.

Свет чуть слышно хмыкнул – он, с одной стороны, и сам прибрался на кордоне, как мог, а с другой – ему ли, охотнику и следопыту с детских лет, не знать, что все следы пребывания человека скрыть невозможно.

Уже поворачивая по тропе к железнодорожной станции, охотник в последний раз оглянулся. Он знал, что никогда не вернется на этот кордон. Но именно об этих местах – бревенчатом доме и его обитателях; лесном ручейке и его живительной воде; наконец о старинном храме и лике с кровоточащими глазами он в первую очередь будет вспоминать, когда услышит слово «Земля».

А Угодин не давал ему отвлечься, инструктировал. Но сначала достал из кармана горсть измятых бумажек. На слабое возражение охотника он лишь зыркнул глазами, но часть купюр все-таки сунул обратно в карман.

– Ладно, – решил он, – доеду с тобой до Коврова, – куплю там на оставшиеся денежки водяры и нажрусь, как... как никогда не нажирался.

– Зачем? – не понял сразу Свет, – можешь попрощаться со мной как-нибудь по другому.

– Ты не девка, – грубо пошутил Владимир, – что с тобой прощаться. А нажрусь я, чтобы менты дня три меня допросить не смогли. Когда найдут, конечно – прямо на вокзале.

– Так эти три дня можно просто прятаться, – опять не понял Свет

– Нет, – довольно засмеялся Угодин; может быть в мыслях он сейчас подносил ко рту первый стакан, – тогда меня объявят в розыск. А этого не нужно не мне, ни тебе.

Он не дал охотнику удивиться еще раз. Залез рукой в другой карман – теперь уже нагрудный, на форменной куртке – и протянул Свету тоненькую красную книжицу.

– Это мой паспорт. Конечно, я на тебя не очень похож, да и возраст у нас... Но это уже твои проблемы. Три дня у тебя есть. А потом – уничтожь его, чтобы даже следов не осталось. А я (правильно понял Угодин вопросительный взгляд Света), заявление потом напишу о пропаже. Штраф заплачу, и новый получу. Чтобы самому тоже походить на фотку.

Охотник открыл паспорт. На него с маленькой картинки смотрел напряженным взглядом парень, весьма отдаленно напоминавший лесника. Потому что был аккуратно пострижен и причесан, не менее тщательно выбрит, да еще украшен галстуком, что прилагался к костюму.

– Пожалуй, – подумал он, оглядев себя мысленно со стороны, а Угодина воочию, – посторонний человек сейчас бы этого парня принял скорее за меня, чем за Володю.

Маленькая станция «Гостюхино» встретила их вполне обыденно. До небольшой кучки местных жителей, толпившихся по случаю теплой погоды на перроне, еще не дошли жуткие

слухи из Клязьминского городка. Свет, как договаривались, подошел к станции чуть позже. Он встал в небольшую очередь через одного будущего пассажира от Угодина. Они попрощались еще в лесу. Теперь же охотник волне успешно обменял желто-коричневую купюру с надписью «Один рубль» на билетик, и еще получил на сдачу кучу металлических монет. Каждая из них своим качеством могла произвести фурор в родном мире Света. Так же, впрочем, как его золотой и бриллиантовый запасы на любого, кто сейчас стоял рядом. Угодин уже нашел тут знакомых, и его громкий смех разносился по перрону. А скоро подошел и электропоезд. В это чудо земной техники Свет заскочил уже вполне привычно – так же, как вышел через три остановки на станции «Ковров-1». Чем она отличается от второго (а может и третьего) Коврова, охотник так никогда и не узнал. Потому что сразу же взбежал по деревянным ступеням, что вели от старенького двухэтажного вокзала на широкую площадь, кишевшую людьми и транспортом.

– Хорошо, – подумал он, – что в компе у Мыльниковых было немало сведений именно об этом времени – благодаря Сурикову. А может... (он даже резко остановился, так что какая-то тетка с полными авоськами едва не наткнулась на его спину) я потому и попал сюда, именно в двадцатый век?

Сейчас он благодаря давним знаниям, приобретенным еще в родном мире, мог отличить троллейбус от автобуса, а обычную легковушку – от такси. К стоянке последних он и направился, нагнувшись к полуоткрытому окошку автомобиля, украшенного «шашечками». Водитель флегматично глянул на него, словно не был заинтересован в пассажире. Рядом стояло еще несколько таксомоторов, и никакой очереди к ним не наблюдалось. Может потому, что от остановки рядом один за другим отходили «рогатые» троллейбусы?

– До Владимира доедем? – выпрямился Свет, уже готовый перейти к другому водителю

– Доедем, – также флегматично сообщил таксист, – пять рублей.

– Чего так дорого? – как самый настоящий землянин, гражданин страны Советов, – возмутился Свет.

– А обратная дорога? – ответил вопросом на вопрос водитель, – кто сейчас из Владимира сюда поедет, если через каждый час электрички ходят?

Свет об этом знал. Даже намеревался первоначально так и ехать на электричке, до самого Владимира. Но чего он мог увидеть, или услышать там, кроме разговоров попутчиков? Он и так наслушался за пятнадцать минут, пока электричка ехала до Коврова столько, что мог считать себя коренным ковровчанином. А здесь, рядом с водителем, он надеялся приобрести еще один важный и нужный навык – вождение автомобиля. Потому он и сел решительно на переднее сиденье, хлопнув за собой дверцей. Купюра – на этот раз синего цвета – уже была в его руке, и таксист ловко выхватил ее. Мерно защелкал счетчик (эти сведения тоже были в голове Света), и «Волга» выехала с привокзальной площади.

– Поедем по трассе, – повернулся к нему таксист, которого, как оказалось, звали Александром (очень распространенное имя), – немного подальше, но во Владимир попадем быстрее, чем по прямой, через Камешково. Тебе во Владимире в какой район надо.

Свет махнул рукой: «Там видно будет!». Он сейчас расслабился, слился в одно целое с автомобилем, и примеривал к себе мастерство водителя. Отвлёкся он, только когда таксист ткнул пальцем влево по ходу движения, уже не в Коврове, а длинном поселке, название которого охотник пропустил.

– Мелеховская колония, – сообщил Александр, – отсюда недавно шестеро эков сбежали, до сих пор ищут.

– Уже наверное нашли, – усмехнулся про себя Свет; он подивился информированности таксиста, но тут же, поковырявшись в памяти, узнал, что такие люди всегда и везде узнают новости одними из первых.

Он порадовался неразговорчивости водителя, и продолжил вслед за ним мысленно управлять машиной. А потом, чуть напрягшись, послал волну одобрения и просьбы двигателю.

Удивительно, но мотор действительно зашумел поровнее и помощнее, и «Волга» рванула вперед так, что Александр удивленно закрутил головой.

– Надо же, – воскликнул он, – она даже новой так не бегала. Так мы и до Москвы часа за три без остановок домчим.

– А поехали, – подначил его Свет.

Такси как раз поворачивало на светофоре на Горьковскую трассу, и водитель, кивнув постовому как хорошему знакомому, ответил не сразу. Но ответил.

– Денег не хватит расплатиться.

Свет ненадолго задумался, но потом все-таки решился, полез рукой в портфель. Водитель принял из его руки золотую монету и принялся обследовать ее, держа руль одной рукой. К удивлению охотника, он даже куснул золото зубами, после чего удовлетворенно кивнул.

– Настоящее. Только теперь у меня сдачи не хватит.

А Свет, не подумав, успокоил его:

– Если действительно домчишь за три часа, сдачи не надо.

Вот теперь Александр взглянул на него внимательно, цепким оценивающим взглядом. Он явно оценил и новый костюм, и модельные туфли, которые Свет каким-то образом умудрился не запачкать в лесу, и уверенный вид их владельца. В его глазах охотник прочел одну простую и резонную мысль: «А не отберут потом монету-то, кому положено?». И даже успел посочувствовать, вспомнив опасения Угодина: «Конечно, отберут». Ему стало немного жаль этого мужичка, в котором сейчас жадность боролась со здравым смыслом, но он очень вовремя вспомнил голос Муромца, его слова о боли Земли, и сохранил невозмутимое выражение лица. Жадность победила таксиста.

– За три не обещаю, – спрятал он монету тем же неуловимым жестом, что прежде пятирублевку, – а за четыре точно долетим.

– Годится, – Свет закрыл глаза; контролировать автомобили – и «Волгу», и те, что приближались к ней опасно близко, он мог и так. А на поля, сменившие сосновый лес, и деревушки, что проносились мимо, он уже насмотрелся.

Водитель разбудил его (так он сам посчитал) уже перед Владимиром. Свет успел ощутить благостный ветер, которым его одарил высокий храм с левой стороны, покрытый строительными лесами.

– Боголюбский монастырь, – правильно понял быстрый взгляд охотника Александр, – женский, между прочим. Сколько тут не езжу, его всегда ремонтируют. Как поедем-то через город, или объедем, по Пекинке?

– Через город, – решил Свет, – только останови где-нибудь, надо что-нибудь поесть взять.

– Тогда это не здесь, – сообщил таксист, – мы лучше за городом, в кафешке остановимся, горяченького похлебаем. Я тоже с самого утра из машины не выходил.

Он явно разговорился, и теперь охотник был не против – тому было что рассказать о древнем городе. Но сначала по обеим сторонам дороги потянулись жилые дома, больше частью одноэтажные, старые. Потом этажность выросла, и по правую сторону – там, где сидел Свет – показалась громада промышленного здания. Водитель не успел сказать ни слова, а охотник уже жалел людей, которых в этом здании было очень много.

– Химзавод, крупнейший в России, – с непонятной гордостью заявил Александр, – и Свет еще раз пожалел работников, которые, может сами того не сознавая, с каждым глотком отравленного воздуха укорачивали жизни и свои, и своих потомков.

Скоро с противоположной стороны принесло запахи свежего хлеба, но охотник не успел – хотя бы посредством обоняния – насладиться продукцией Владимирского хлебокомбината, потому что тут же, опять с правой, по ходу движения, стороны ударило по нервам такой кошмарной смесью злобы, страдания и равнодушия, что Свет непроизвольно дернулся рукой

за спину, где ее раньше всегда ждала рукоять меча. Водитель заметил это движение и с еще более непонятной гордостью выпалил:

– Владимирский централ!

Он замычал какую-то песенку, в которой охотник разобрал только эти два слова, но быстро умолк, когда слева над «Волгой» нависли древние каменные стены, побеленные совсем недавно. Здесь смесь эмоций, которые веками впитывал камень, была еще причудливей. Свет тоже чувствовал боль людей, явно томившихся здесь в застенках, равнодушные стражей в погонах и без них; стражей, давно переставших ту самую боль воспринимать сердцем. А сквозь них пробивалось что-то древнее и неизбывное, которое тщетно пытались стереть последние десятилетия. Александр понизил голос, хотя никто их в салоне не мог расслышать, и подсказал, чем объясняется такое чудовищное несоответствие:

– Областной кагэбе. Если у тебя таких золотых монет много, вот эти ребята к тебе и придут, – охотник промолчал, а таксист продолжил, – а раньше тут тоже попы сидели. Тоже монастырь был. Вроде бы в нем когда-то самого Александра Невского похоронили. Потом, правда, увезли в Питер.

Свету это имя было знакомо. В закромах памяти оно стояло на почетном месте рядом с Муромцем. А спереди накатывало совсем могучее – сначала слева, где на высоком холме стоял Успенский собор, когда-то самый главный для всех православных России, а потом, спереди, от Золотых ворот. Мимо этих древних стен, теперь оказавшихся в самом центре Владимира, а когда-то вставших нерушимой твердыней на пути Батыевой орды, Александр проехал очень медленно, так что охотник успел нырнуть и понежиться в источник силы, который буквально бил во все стороны от древнего памятника русского зодчества.

– Двенадцатый век, – с почтением произнес таксист, и прибавил газу.

Совсем скоро «Волга» с победным ревом вырвалась из Владимира, и помчала по трассе, в этом месте на удивление гладкой. Так что водитель сделал вид, что забыл об обещании покормить пассажира (и себя, любимого, конечно). Он видимо вспомнил про те четыре часа, которые обещал Свету. А в том, что пассажир при желании сможет вернуть себе золото, он ни минуты не сомневался. Однако чем дальше такси мчалось от областной столицы, тем асфальт становился более разбитым, а значит, менее скоростным. И водитель все-таки остановил «Волгу» в Киржаче, на самой границе двух областей. Еда в придорожном кафе оказалась на удивление вкусной, хотя мясо не шло ни в какое сравнение с глухариным, которое они с лесниками так и не успели доесть. Видимо, повар здесь был настоящим кудесником. А вот во сколько оценили его труд, охотник так и не узнал, потому что Александр замахал на Света руками, оплатив ранний ужин в счет прощенной сдачи.

И опять «Волга» неслась по трассе, которая в Московской области оказалась неизмеримо лучшей. Потом была длинная пробка в Балашихе, где Александр нервно смотрел на наручные часы. Свет, сжалившийся над ним, обещал вычестить это стояние из времени поездки, и повеселевший таксист принялся напевать что-то себе под нос. Такси наконец въехало в Москву, о чем сообщили громадные буквы на обочине, выполненные из металла. Назад очень медленно плыли высотные здания, заинтересовавшие охотника лишь поначалу. Скоро их вид, и главное – дикое смешение чувств сотен тысяч человек, которые считали эти бетонные коробки главным прибежищем в жизни – наскучили Свету, и он стал вглядываться вперед, где, по словам водителя, находился центр города и России. Может, окажется охотник там, он оценил бы благость этого места, которое во всем этом мире называли Кремлем, но пока он видел – только ему подвластным зрением – как в небо поднимается тонкий черный дымок, сотканный из беспримерной усталости и невозможности понять, когда ужас, длящийся годы, закончится. В скороговорке Александра охотник расслышал знакомое слово «мавзолей», вспомнил злоебщий черный монолит, который видел в столице погибшей Дугании на месте усыпальницы Горна, и неосторожно спросил:

– Мавзолей – чей?

Водитель посмотрел на него с откровенным подозрением, и даже, пожалуй, с заметным испугом:

– Как чей? Ленина, конечно.

И Свет вспомнил про этого человека, про длинную очередь жаждущих попасть внутрь гранитной могилы, чтобы поклониться телу давно умершего человека. А многие, чтобы просто поглазеть. Сам он признавал только один честный и безоговорочный способ прощания с покойником – очищающий все огонь. С немалой натяжкой соглашался с тем, что упокоившихся родных можно закопать поглубже – так, чтобы не выкопали дикие звери.

– В конце концов, – подумал он, – земля тоже несет благо человеку, – почему бы ему не вернуться в ее лоно?

А водитель видимо уже решил какой-то мучивший его вопрос, потому что заявил не терпящим возражения голосом:

– Довезу только до Курского вокзала. А там куда хочешь – на сам вокзал, на метро, да хоть к тем же столичным таксистам подойди, они тебя за золото хоть в Америку увезут.

– В Америку мне не нужно, – ответил Свет спокойным голосом, от которого водитель выпрямился, словно вез по меньшей мере секретаря обкома партии, – а про золото советую побыстрее забыть, как и про меня. А лучше – сплавь его куда-нибудь побыстрее.

Водитель дисциплинированно кивнул и решил, что последует этому совету, даже не заезжая в Ковров...

– Ну бывай, – Свет пожал Александру руку, и захлопнул дверцу «Волги».

Автомобиль тут же унесся прочь от вокзала, залитого светом. Внутри огромного здания, в котором стекла было больше, чем бетона, его встретил неумолкаемый гомон толпы и длинная линия касс поездов дальнего следования. Свет даже немного растерялся, когда вскинул глаза вверх, на табло, как раз чем-то громко затрепавшее. Строчки на нем поползли вверх, а голос неизвестной тетki, с которой охотник никогда не хотел бы встретиться, невозможно противным скрежетом пригласил всех на посадку на скорый поезд «Ярославль – Москва». Свету, в общем-то пока было все равно, куда ехать; он ждал какого-то знака, и дождался!

Совсем рядом затренькала, едва перебивая людской гам, гитара, и такой же негромкий юношеский голос пропел уже давно известную Свету песню о том, что лесоустроителям летом в Воронеже тесно, и что они где-то там в тайге, вдали от вытрезвителей... Охотник теперь знал, что такое вытрезвитель – просветил Угодин.

– Я, – сказал он, ухмыльнувшись, еще в лесу, – там и отлежусь. А оттуда прямо на нары. Не бойсь (прихлопнул он тогда по плечу нахмурившегося охотника) – выпустят. Всю душу вытрясут, и выпустят. Потому что ин-кри-ми-ни-ро-вать мне нечего.

Он так и сказал это слово по словам, и Свет улыбнулся, подходя к парнишке с гитарой – явно студенту, и его такой же молоденькой спутнице. Но впереди него перед юной парой установилась гигантская туша, необъятная во всех трех измерениях. Даже сзади от него невыносимо несло сивушным перегаром. Слова гиганта лишь подтвердили вывод охотника – этот человек был пьян, и душа его требовала продолжения праздника. А какой для пьяного русского самый лучший праздник? Конечно, драка. Правда противника он выбрал себе явно не соразмерного – очкарик перед ним был пожалуй втрое меньше размерами. Зато здесь был повод, да еще какой!

– Что ты знаешь про вытрезвители? – проревел здоровяк, явно обдав парочку мощным выхлопом алкоголя и сивушных масел, а может, еще чего (Свет вдруг вспомнил такого же здорового шахриханца, надсмотрщика за рабами, с его гнилым нутром).

– Ничего, – на удивление твердо ответил очкарик, задвинув за спину спутницу.

Уже одним этим он получил одобрителный кивок охотника, и еще большее желание последнего вмешаться в драку. Впрочем, драки как таковой не получилось бы. Могучий раз-

мах тяжелой руки алкоголика скорее всего сразу отправил бы паренька в нокаут, а может, и куда подальше. Но эта рука вдруг застыла в воздухе, встретив не менее мощную. Свет одним рывком развернул к себе здоровенную тушу, которая уже открыла рот, чтобы криком заявить всему залу о сломанных костях. Но Свет помнил и о запахе, и о том, что в кармане у него чужой паспорт. Внешне несильный удар открытой ладонью по груди заставил гиганта согнуться, сравниваясь ростом с охотником, и открыть широко рот в бесполезной попытке впустить в легкие глоток живительного воздуха. Этого Свет и добивался в первую очередь. Огромный детина с налитым кровью лицом и протрезвевшими уже глазам так и не успел обдать его своим амбре. Свет так же несильно стукнул его ребром ладони по горлу. Такой удар знают многие; а в кино наверное, видели все. Но не каждый мог нанести его правильно – чтобы не покалечить, или даже не убить сдуру. А лишь отключить на время – на которое нужно умелому бойцу. Свет умел. Здоровяк, вроде сдувшийся, уменьшившийся в размерах, опустился на плиточный пол, не заставив его содрогнуться, как того ожидали окружающие. И сразу же голосом, ничем не уступавшим тому, что опять прозвучал в динамиках вокзала, какая-то тетка заорала, перекрывая привычный гомон:

– Милиция! Человека убили.

Паренек с девушкой не успели ни удивиться, ни возмутиться. Какая-то непонятная сила подхватила их и опустила уже в противоположном углу вокзала, да еще на втором этаже, где сидели, разговаривали, и даже спали транзитные пассажиры. Они сидели на скамье и держали в руках свои вещи, кроме гитары. Последнюю протягивал хозяину парень с широчеными плечами и могучей грудью, которые не мог спрятать стильный костюм, очень естественно сидевший на нем. Но самыми примечательными, как потом рассказывала друзьям парочка, были глаза. Пронзительно голубые, они поражали сейчас, осенью, своей по-настоящему весенней свежестью. Еще они были требовательными, а в самой глубине плескалась какая-то боль. Но не та – понял вдруг Витек, так звали паренька – которая возникает от зубной или любой другой физической боли. Нет – внутри этого человека, только что избавивших их от больших неприятностей, словно жила боль за всю несправедливость, творящуюся в мире. А еще – горячее желание эту несправедливость притушить, в крайнем случае взять ее на себя.

Голос парня, назвавшегося Святославом – но не Славиком, а Светом – был вполне обычным; никакой святости в нем, как почему-то ожидал Витек, не было.

– Из Воронежа, ребята? – спросил он дружелюбно, словно не повергал только недавно огромного алкаша наземь.

– Он, – ткнула тонким пальчиком Леночка, спутница Витька, парнишку в плечо, – из Воронежа. Ну и я, получается теперь тоже. Мы в институте учимся, лесотехническом. А сейчас в Петушки едем, электричку ждем. Везу этого охломона (слово прозвучало с такой любовью и нежностью, что Витек сразу осветился улыбкой) с моей мамой знакомиться.

Свет тоже улыбнулся:

– Ну и как там, в Воронеже?

– А мы сейчас не из Воронежа, – вступил в разговор Витек, – мы с практики.

Он отметил взгляд не понявшего его охотника, и пояснил с гордостью:

– Нас как лучших студентов курса на преддипломную практику отправили в Красноярский край, на место падения Тунгусского метеорита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.